

НА ДНЕ РОЖДЕНИЯ СЧАСТЬЯ И ПЕЧАЛИ

На дне рождения, на самом дне,
когда покинут все, кто были с нами,
нередко остаёмся мы одне
наедине с несбывшимися снами.

Идём, куда, не зная, налегке,
и, получив за жизнь привычно неуд,
глазами что-то ищем вдалеке,
закинув в небо свой дырявый невод.

И там, витая в голубом ничто,
утратив всё, чего ты так алкала,
вдруг понимаешь: истина — не то,
что плещет на поверхности бокала.

На расстоянье зорче нам видней.
Любовь ценней в конце, а не в начале,
как всё, что затаилось в глубине,
на дне рожденья счастья и печали.

О, счастье жить и знать, что не одна,
что мне дано без слёз и без истерик
русалкой подхватить тебя со дна
и вынести на безопасный берег.

И там, с тобой одним наедине,
плести свой день из небыли и были
и постигать, что истина на дне,
на дне того, что мы взахлёб любили.

* * *

Февраль! Чернил уже не надо,
когда есть вилы для воды.
Писать сонеты иль сонаты,
в сердцах растапливая льды.

Бумаге жизнь передоверив,
смотреть, как гаснут фонари,
в чужие не стучаться двери,
познав, что выход — изнутри.

Когда ж сойдёт на нет удача,
побив все карты до одной,
и вековая недостача
преобразится в вечный ноль,

когда все маски и личины
оскал покажут бытия —
и в минусовых величинах
надежда выживет моя.

Но даже там где нет надежды —
моя любовь тебя спасёт.
Где утешенье безутешно,
она одна осилит всё.

* * *

Хоть всё, что есть, поставь на кон,
все нити жизни свей,
но не перехитрить закон
тебе вовек, Орфей.

Деревьев-церберов конвой
не проведёт туда,
и профиль лунный восковой
в ответ — ни нет, ни да.

Рассвет поднимет белый флаг
как знак, что всё, он пас,
чтоб Тот, кто вечен и всеблаг,
не мучил больше нас.

* * *

Мёртвый голубь под моим балконом,
ветка вяза, бившая в окно...
О себе напомнило уколом
что-то позабытое давно.

Выхожу из дома, как из комы,
и брожу, рисунок дня лепя.
Я с собою будто незнакома.
Я так мало знаю про себя.

Всё носила, как цветок в петлице,
на губах заветное словцо.
Так оно хотело в мир излиться,
даже проступало сквозь лицо.

То ли ангел райский, то ли кондор
душу нёс в объятиях, когтя,
в небесах очерчивая контур,
за которым всё, что до тебя.

Если бы когтями было можно
в прошлое вцепиться посильней
и втащить сюда его безбожно,
вырвав из кладбищенских камней!

Что-то мне привиделось сегодня.
Что-то засветилось над травой.
О судьба, бессмысленная сводня!
Мёртвый голубь, ангел неживой.

Но сквозь все запреты и потери
я в ночи твой облик сторожу
и держу распахнутыми двери,
окна все раскрытыми держу.

И поскольку ты во мне отныне
так сияешь радугой в тиши,
я должна лелеять как святыню
оболочку тела и души.

* * *

С мелиссой чай заваривай, настаивай,
мели, о чём твоей душе угодно,
но на своём особо не настаивай,
жизнь отпусти, пускай течёт свободно.

Чай разливай из треснувшего носика,
стараясь быть уместной и любезной,
и струйка — вроде крошечного тросика,
что держит над невидимую бездной...

* * *

Весна ещё совсем слаба,
нетвёрдые шажки.
Трещит по швам моя судьба,
расходятся стежки.

Окно открою поутру
и слышу, не дыша,
как сжалась на ночном ветру
продрогшая душа.

Пойми меня, как зверя зверь,
как мать своё дитя,
и целиком себя доверь,
навек, не шутя.

Люблю тебя в мерцанье бра,
в обличии любом.
Нет завтра, нынче и вчера,
есть вечность в голубом.

Коснись рукой горячей лба,
прижми к своей груди.
Весна уже не так слаба.
И лето впереди.

* * *

До рассвета порою не спим,
нашу жизнь доедаем на кухне,
вечерком на балконе стоим,
пока старый фонарь не потухнет.

Позабыты борьба и гульба,
бремя планов и страхов дурацких.
Столько лет не меняет судьба
ни сценария, ни декораций.

Но всё так же играем спектакль
для кого-то в себе дорогого.
Тихо ходики шепчут: тик-так...
Да, вот так, и не надо другого.

До конца свою роль доведя,
улыбаться, шутить, целоваться,
и уйти под шептанье дождя,
как под гул благодарных оваций.

* * *

Друзей, которых нет уже нигде —
гашу следы, стираю отпечатки.
И привыкаю к этой пустоте,
как к темноте на лестничной площадке.

Дороги развивается клубок.
Уверенно вслепую ставлю ногу.
Я будущее знаю назубок —
оно короче прошлого намного.

Мой сквер, я столько по тебе хожу,
тебя как книгу старую листая,
что, кажется, тебе принадлежу
частицей человечье-птичьей стаи.

Присаживаюсь на твою скамью,
твоею укрываюсь пышной кроной.
Давно меня здесь держат за свою
деревья, клумбы, дворники, вороны.

Людей роднят метели и дожди.
Как беззащитны слипшиеся прядки.
Прохожий, незнакомец, подожди!
Как дети, мы с собой играем в прятки.

Но представляю выраженья лиц,
когда бы то в реальности скажи я.
Как зыбки очертания границ
меж теми, кто свои и кто чужие.

* * *

Гляжу в окна распахнутое око,
а между рам колотится оса.
И выход близок — форточка под боком,
но недоступны глупой небеса.

Вот так и я с безумием де Сада
бьюсь головой, не ведая пути,
а Бог со стороны глядит с досадой:
ну вот же выход, дурочка, лети!

Большое видится на расстоянье.
Вблизи ты неразумен, как дитя.
Мы тратим жизнь на противостоянье,
а ларчик открывается шутя.

* * *

Жизнь без быта, со множеством «без» —
без удачи, добычи, улова.
Отделяет её от небес
волосок или честное слово.

Было счастьем, звездой, мечтой,
стало участью, жребием, роком.
Млечный путь по дороге ночной —
указатель в пути одиноком.

Но ценить и беречь, словно крохи,
то, что тянет нас вниз, а не ввысь:
и малейший цветок у дороги,
и любую весёлую мысль.

Если холодно в небе бесстрастном
и дорога ослепла от слёз —
не чурайся того, что прекрасно
по-земному, легко, не всерьёз.

Как чудесны простые напевы,
золотистый струящийся мёд...
Пусть Лилит не стесняется Евы,
а Татьяна и Ольгу поймёт.

Если звёздного шифра не видно —
опускайте глаза свои вниз.
Это лёгкий такой, безобидный,
безопасный с собой компромисс.

* * *

Не бояться зеркал и своих запоздалых прозрений,
отцеплять от себя якоря и чужие клише.
И уверенно «нет» говорить, не скрывая презренья,
и свободное «да» не таить в отворённой душе.

Пусть струится весна, унося, как щепу, в самотёке.
Пусть холодная осень не сводит безжалостных глаз.
Всюду жизнь, даже в самой тоскливой глухой безнадёге.
Надо лишь не мертветь, пока что-нибудь теплится в нас.

Сохранить то тепло за душой, распихать по карманам,
приклониться к единственным в мире плечам и губам,
и питаться как манной бесхитростным самообманом,
предпочтя его правде, свободе и вольным хлебам.

* * *

Любовь — не когда прожигает огнём, —
когда проживают подолгу вдвоём,
когда унимается то, что трясло,
когда понимается всё с полусло...

Любовь — когда тапочки, чай и очки,
когда близко-близко родные зрачки.
Когда не срывают одежд, не крадут —
во сне укрывают теплей от простуд.

Когда замечаешь: белеет висок,
когда оставляешь получше кусок,
когда не стенанья, не розы к ногам,
а ловишь дыханье в ночи по губам.

Любовь — когда нету ни дня, чтобы врозь,
когда прорастаешь друг в друга насквозь,
когда словно слиты в один монолит,
и больно, когда у другого болит.

* * *

Твой бедный разум, неподвластный фразам,
напоминает жаркий и бессвязный
тот бред, что ты шептал мне по ночам,
когда мы были молоды, безумны,
и страсти огнедышащий везувий
объятъя наши грешные венчал.

Во мне ты видишь маму или дочку,
и каждый день — подарок и отсрочка,
но мы теперь — навеки визави,
я не уйду, я буду близко, тесно,
я дочь твоя, и мать, сестра, невеста,
зови, как хочешь, лишь зови, зови.

Вот он, край света, на который я бы
шла за тобой по ямам и ухабам,
преграды прорывая и слои,
вот он — край света, что сошёлся клином
на взгляде и на голосе едином,
на слабых пальцах, держащих мои.

А дальше — тьма, безмолвие и амок...
Мне душен этот безвоздушный замок,
и страшен взгляд, не видящий меня,
но я его дыханьем отопрею,
ты крепче обними меня за шею,
я вынесу и всё преодолею,
так, как детей выносят из огня.

* * *

Мир, оставь меня в покое!
Я — отрезанный ломоть,
но не дам себя легко я
молоху перемолоть.

Как лицо твоё убого,
руки жадные в крови,
купола, где нету Бога,
и дома, где нет любви,

где законы волчьего рынка,
сгинь, отринь меня, гуляй!
Только ты, моя кровинка,
не покинь, не оставляй.

Перед смертью мы как дети,
страшно ночью одному.
Нужен кто-то, чтоб приветил,
обнял, не пустил во тьму.

У меня в душе такое —
без тебя не потяну.
Не оставь меня в покое,
не оставь меня одну.

* * *

На чёрный день копила радость
в надежде, что ещё не он,
что есть ещё чернее гадость,
которая возьмёт в полон,

а этот — временной полоской
уйдёт, дав ночи полчаса,
как пуля, не затронув мозга,
как туча, прячась в небеса.

Ещё не он, ещё не скоро,
и всё на чёрный день коплю
крупинки слов, и крохи спора,
и каплю сладкого «люблю».

Когда же он придёт однажды —
тот свет, накопленный в углу,
сверкнув улыбкою отважной,
испепелит любую мглу.

* * *

Помнишь, как мы пошли с тобой в то воскресенье осеннее в Липки?
Старых лип там уж нету почти, ну а новые — низки и хлипки.

Помнишь, ели мороженое, рифму искали к орешкам кешью.
И её подсказало над деревом небо синеющей брешью.

Шли по Взвозу мы к Волге, зашла я в бывший отцовский дворик,
где листва всё пышнее, а запах каштанов горяч и горек.

А у самой беседки застали свадьбы: невесты, платья.
Крики «горько», лобзання, хмельные объятия, все люди братья.

«Офигительная!» — орал тамада за большие деньги.
«Сногшибательная!» — вторил ему, надрываясь, подельник.

Лоскутками цветными обвешан был памятник «всем влюблённым»,
что глядели из вороха тряпок озлобленно, оскорблённо.

Словно знали, что их прозвали в народе: «двум педерастам».
Да, вот так этот мир и построен, где всё на контрастах.

Шли и шли мы по Набережной под пьяные свадьбыны вопли.
Начал дождик накрапывать, и мы ненадолго промокли.

Пустовали кафе, и лежали бомжи, как на лаврах, на лавках.
О театр абсурда, весь мир подшофе, нестареющий Кафка!

Нас укрыли зонты от дождя, а быть может, от божьего рока.
Ах, веди нас, дорога, веди, доведи до родного порога!

Поскорей бы согреться, и чаю поставить, и хлеба, и сала...
Моё глупое сердце, ответь, для чего и кому я всё это писала?

Просто — всем невдомёк: наша жизнь — мотылёк, ветерка дуновенье.
Просто — этот денёк захотелось спасти, уберечь от забвенья...

* * *

Перед зеркалом красуюсь,
От тебя я слышу: «Рубенс!»

Огорчилась: неужель?
А мне мнилось — Рафаэль!

Вот истаю, словно воск, —
Будет Брейгель или Босх!

* * *

Поскрипывает мебель по ночам.
Судьбы постскриптум...
Как будто ангел где-то у плеча
настроит скрипку...

Как будто лодка с вёслами сквозь сон
по водной зыби...
Тьма горяча, смешай коктейль времён
и тихо выпей.

И выплыви к далёким берегам
из плена тлена...
Сам Сатана не брат нам будет там,
Стикс по колено.

Скрипач на крыше заставляет быть,
взяв нотой выше.
Ведь что такое, в сущности, любить?
Лишь способ выжить.

* * *

Жизнь моя дремлет, и сладкие сны
ей навевают остатки весны.

Пусть мне уже не послушен реал,
но как воздушен ночной сериал...

Вот загорается в небе звезда,
приоткрывается дверь в навсегда...

Кружатся лица, как листья в лесу.
Сколько любви я с собой унесу...

Нежности кружево, сны наяву...
Что б вы так жили, как я не живу.

* * *

А счастье — это как журавль,
что скрылся вдаль за облаками,
как поднебесный дирижабль,
как то, чего нельзя руками.

Проснуться, утро торопя,
спешить в леса, сады и парки,
чтоб скрыться от самой себя,
спастись от вездесущей Парки.

Окно и двери распахну,
накину старенькое пончо.
Когда же, боже, жить начну?
Наверное, когда закончу.

* * *

Я у Творца просила без конца
хоть отблеска любимого лица,
край облака подняв, как одеяло.
Летит листва сквозь миллионы лет,
и каждый лист — как пропуск, как билет
туда, где жизнь любовью одеяла.

Но небеса, налитые свинцом,
нам адреса любимых мертвецов
не выдают сквозь сумрачную млечность.
С течением дней я делаюсь одной,
и с каждым днём мне ближе и родней
твоя недостижимая вечность.

Я вижу руку с родинками звёзд,
я в бездну перекидываю мост,
и образ твой оплакан и обласкан.
Что не убило — не убьёт уже,

хоть постоянно видится душе
блаженный сон смертельного соблазна.

Минует всё, в далёкое маня.
Всё соткано из праха и огня,
всё будущей подёрнуто золою.
Грядущее, в сегодня обратясь,
назавтра с ним утрачивает связь,
и живо только милое бывшее.

Течёт сквозь пальцы времени вода.
В огромное, как небо, никогда
я боль свою как птицу отпустила.
Любовь земная, старый мой дружок,
в груди горячий розовый кружок,
сдвигает с места солнце и светила.